

ШУТКА ДЛЯ ГОЛОСА С ОРКЕСТРОМ

Он — признанный мастер розыгрыша. Признанный. Сам Юрий Нагибин в предисловии к только-только вышедшему в свет плутовскому роману Никиты Богословского «запротоколировал» это звание. И еще — он всенародно известный шутник, затейник, выдумщик. Каламбуры, остроты, сатирические сюжеты — смолodu кобби такое.

А ведь композитор, да еще какой! Более полсотни полнометражных фильмов «омузыкалил», столько же, если не больше — драматических спектаклей, мультяшки; оперетт много сочинил, несколько опер написал, и все шло на сцене; песен сколько — «Темную ночь», «Шаланды», «Спят курганы» — кто не знает? Симфоний — аж восемь у него, правда, с ними сегодня труднова-то у нас в смысле исполнения. За границы играют, записывают, а на российской земле жди всяких «Московских осеней», «Весен», чтобы хоть один раз прозвучала — не ахти как «разсимфонишься». Однако на то Никита Владимирович и композитор, чтобы сочинять музыку.

Разговариваем с ним в его рабочем кабинете. Пытаюсь вывести тайну из тайн:

— Как это вы все успеваете: сочинять музыку, писать романы, изобретать афоризмы для ваших знаменитых «На полях шляпы», придумывать розыгрыши, а еще выживать в газетах, журналах нелепости, ошибки, огрехи?

— Сам не знаю, как. У меня нет способности растягивать день во времени. Может, помогает то, что делаю все очень быстро (быстро пишу музыку, без инструмента —

так нас учили в Петербургской консерватории). И делаю все сразу: когда работаю, под рукой нотная бумага и обыкновенная писчая. Раздумываю над каким-то аккордом или оркестровым приемом, и вдруг совершенно неожиданно приходит на ум шутка. Тут же фиксирую и опять за ноты, за клавиш или партитуру.

— А «ловля блох»?

— По-моему, у меня просто «патологическая» особенность — с первого взгляда замечать ошибки. Иногда даже содержание, смысл статьи упускаю, а огрехи — вижу. Буквально на днях в «Вечернем клубе» обнаружил в интервью: герою материала 110 лет исполнилось, а о нем говорится, что он был знаком с окружением... Николая I. Миленько, правда! Черточку вторую забыли поставить в римской цифре. Не лишил себя удовольствия позвонить в редакцию. Смутил их там.

— Что вы сейчас пишете на нотных листах?

— Вы ведь знаете, как я люблю изобретать в музыке никогда не существовавшие жанры. На этот раз придумал совершенно необычную штуку — одноактную оперу под названием «Прием у начальника». Поющий персонаж — сам Начальник, единственный. Все остальные — посетители — музыкальные инструменты. К примеру, Туба приходит просить квартиру, а чтобы пожаловить Начальника, приводит с собой внучку — Флейту-пиколо. Гобой (с восточной интонацией) пытается сунуть взятку; пьяный хулиган — Ударник; секретарша — Кларнет, жена — Скрипка. Все без слов, но тембры инструментов, интонации делают диалоги совершенно понятными. Каким образом воплотить оперу на сцене, пока не представляю себе, а писать ее очень увлекательно.

— Как вы намерены отпраздновать свое ...летие?

— Никак. Придут несколько друзей. Посидим. Погрустим. Помечаем...

Разговор с Никитой Богословским был долгим. Однако дефицит газетной площади позволил опубликовать сегодня, в день его рождения, лишь небольшую часть беседы. Возвращаю от каждого телефонного звонка. Вдруг раздается в трубке: «Говорит Никита Богословский...» Все. Попала на зубок. Нашел ошибку. Но, может, расслабится он по случаю юбилея, помягчает... Надежды юношей питают.

М. ИГНАТЬЕВА.